

п у б л и ц и с т и к а

Е.Пазухин

**ХРИСТИАНСТВО И КУЛЬТУРА В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.**

Вопрос о свободе совести христианина в СССР не укладывается в рамки специфической церковной проблематики. Его нельзя сводить только к каким-то изменениям в самом институте Русской Православной Церкви или внутри других конфессий. Поскольку наша церковная иерархия обречена на вынужденное молчание, Бог избирает мирян (иногда даже неверующих) орудием христианской проповеди. В соответствии с учением Христа, "Дух дышит где хочет" (Иоан.3,8), а значит и говорит кому хочет: Уже, приблизительно, в течение двух десятилетий, он нередко говорит устами наших поэтов, прозаиков, художников, кинематографистов. Но только сейчас, благодаря совершающимся в нашей официальной культуре переменам, голос их начинает доходить до широкой аудитории. Я хотел бы рассмотреть вопрос о том, какие произведения современных советских писателей, затрагивающие христианскую проблематику, были допущены к нашему читателю в последние годы и попытаться оценить то влияние, которое они могут оказать на культуру и общественное сознание в СССР.

Как и всегда в России, в наши дни искусство первым выражает то новое, что созрело в обществе. Как это ни парадоксально, именно оно, а не Русская Православная Церковь, выступало в последние годы в активной миссионерской роли. Если до недавнего времени в официальной печати и допускались какие-либо произведения, касающиеся христианской проблематики, то за очень малым исключением это были произведения оголтело-атеистического характера. Сейчас ничего подобного в печати нашей практически не сыщешь. Зато безусловно поощряются публикации, в которых христианская символика и образность используются в качестве

общекультурной основы произведения и допускаются материалы, проникнутые внутренним религиозным пафосом. Редко, но случаются прорывы в открытую христианскую проповедь.

Чем объяснить подобное попустительство? Дело тут не только в либерализации культурной политики нового советского руководства, а так же и в том, что к власти пришли люди более умные и гибкие, пытающиеся таким образом спасти свою атеистическую идеологию от окончательного "кораблекрушения". Ведь религия (как известно всем, кроме недавно сошедших с арены советских идеологов) почти полностью принадлежит области иррационального. Вытеснив религию в течение десятилетий из сферы рационального, идеологии, марксисты наши содействовали перенаполнению ее других "отсеков" души советского человека. Этим они оказали огромную "услугу Богу" (Энгельс). А именно: добились того, что бессознательная (анонимная) религиозность стала у нас почти всеобщей. Прибегая к метафоре, можно сказать, что здесь сработал фрейдистский "механизм вытеснения", и в легализации "религиозных комплексов" сейчас заинтересованы прежде всего сами противники религии. Не знаю, принесет ли это пользу им, но никакого вреда христианству, наверняка, не принесет. Сейчас, когда идеологический туман слегка рассеялся, мы видим, что корабль государственного атеизма уже перевернулся: на поверхности торчит один "нос" идеологии. А оставшиеся еще "научные атеисты" напоминают египтян, отправившихся истреблять первенцев израильских (в данном случае – народившуюся в душах людей религиозность), на которых Бог наслал слепоту. Ведь, и в самом деле, иррациональное они не могут не только уничтожить, но даже увидеть.

Возвращение религии в нашу общественную жизнь проходит, как мне видится, через три этапа. Условно их можно обозначить как иррациональный, полурациональный и рациональный. В сфере культуры (в широком смысле) им соответствуют: 1.искусство, 2. мораль, 3. идеология. Этим же трем фазам обращения общественного сознания соответственноозвучны выступления Е.Евтушенко в "Комсомольской правде", Д.С.Лихачева в "Литературной газете" и Митр.Алексия в "Московских новостях". (А так же: А.Нуйкина, А.Гулыги, И.Виноградова в "Новом мире"). Культура –

тым религии. У христианства "очень хорошо обеспеченные тылы". Не случайно и наступления его началось именно из "тыла". Правда, у нашей ставшей уже официальной христианской культуры есть еще и свой тыл: культура неофициальная (она же - её практически неисчерпаемый резерв). Но рассмотрение этой второй культуры выходит за рамки поставленной мною проблемы.

Официальные публикации, связанные с религией, можно, как я уже говорил, условно разделить на 3 категории: 1. нерелигиозные произведения, использующие религиозную (в основном, библейскую, символику и образность (безусловно разрешены); 2. Религиозные произведения, предлагаемые читателю в более или менее скрывающей их суть общекультурной, социальной и т.п. упаковке (условно разрешены); 3. произведения, содержание открытую религиозную проповедь (безусловно запрещены и, тем не менее, иногда появляются). Конечно, непроходимой границы между ними нет, и, в зависимости от ракурса восприятия, их можно перемещать из одной категории в другую. Но для большей наглядности изложения примем эту триаду в качестве рабочей схемы. Итак, использование религиозной проблематики как общекультурной основы произведения. Пожалуй, наибольший шум из произведений этой категории вызвала айтматовская "Плаха". Вот как оценивает значение этого романа А.Гулыга: "... роман сыграл положительную роль, введя проблему религии в наше массовое сознание, вернее, выявиив, что она в нем существует, хотим мы этого или не хотим" (А.Гулыга. "В поисках абсолюта". "Новый мир", №10, 1987, стр.246). Весьма ценное признание в устах атеиста. Не менее ценным является также признание самого декларирующего свой атеизм Айтматова: "Христос дает мне возможность сказать современным людям о чем-то сокровенном". То есть, горизонт атеистического восприятия мира ему такой возможности не дает. По этой фразе Айтматов рисуется мне человеком, который вот-вот шагнет в сторону христианства. Такую же готовность сделать шаг в направлении христианства я вижу и в произведениях ряда других писателей: А.Адамовича, В.Быкова, В.Дудинцева, А.Рыбакова, Н.Тряшкина, В.Яворивского. Последний, так же как и Адамович, Дудинцев, В.Белов, опубликовал в этом году произведение в жанре современного апокалипсиса. Я имею в виду опуб-

ликованный в №9 за 1987 год в ж. "Дружба народов" роман Яворивского "Мария с полынью в конце столетья", а также "Последнюю пастораль" Адамовича ("Новый мир", №3, 1987г.), "Белые одежды" Дудинцева ("Нева", №1-4, 87г.) и "Кануны" ч. III В.Белова ("Новый мир", №8, 1987г.). Из перечисленных два первые произведения – дань модной сейчас теме надвигающегося "ядерного потопа" (формула М.С.Горбачева). Надо сказать, что в этих вещах авторы весьма квалифицированно используют мифологическую и религиозную символику, в том числе ставшую у нас за последний год настоящей "притчей во языках" апокалиптическую "звезды полынь" (Отк.8,II). (Благодаря названию города, в котором произошла катастрофа на атомной электростанции, – Чернобыль, которое в переводе с украинского означает "полынь"). Но наиболее серьезным из написанных у нас в последние годы "апокалипсисов" следует, пожалуй, признать "Белые одежды" В. Дудинцева (наряду, может быть, с III частью "Канунов" В.Белова, о которой я скажу ниже). Дудинцев моделирует глобальную катастрофу в рамках локального периода советской истории. Весь роман пронизан библейской образностью, начиная с названия (Отк. 7,13) и общей структуры повествования и до характеристик и реплик отдельных персонажей. Это, пожалуй, первое произведение советской литературы, в котором открыто декларируется универсальность библейской символики. Дудинцев выгодно отличается от многих наших авторов, обращающихся в своих произведениях к тексту Библии (таких, как Айтматов, Тендряков и т.д.), очень серьезным знанием источников и весьма умелым их использованием. Так, великолепно сочетание ни разу не появляющейся в романе, существующей за рамками текста, фигуры "Антихриста" (Лысенко) и необычайно красочно и выпукло выписанного "апокалиптического зверя" (Рядно). Но все это, к сожалению, не дает основания называть "Белые одежды" подлинно христианским произведением. Это лишь очень искусное использование библейского материала, в качестве языка, служащего для выражения в целом чуждых христианству идей.

Пищий на ту же тему (о генетиках) Д.Гранин в "Зубре" ("Новый мир" №1-2, 1987 г.), пожалуй, ближе, чэм Дудинцев, к христианскому творчеству в собственном смысле этого слова.

Для него Библия – не средство, а пусть недостаточно ясная, но всё же притягательная цель, к которой он медленно, наощущь, но неуклонно движется. То же самое можно сказать о стихах Н. Тряшкина и Е.Благининой, напечатанных соответственно в №4 и №9 "Нового мира" за этот год. Надо сказать, что "Новый мир" вообще стал своеобразным "религиозным изданием". В каждом из его номеров, приблизительно, за последние полтора года, можно найти очень интересные материалы откровенно христианского содержания. Так что для того, чтобы получить основные сведения по христианскому богословию, советскому читателю вовсе не обязательно разыскивать малочисленные и практически недоступные издания Московской Патриархии. Достаточно подписки на имеющуюся советскую периодику, и, в первую очередь, – на "Новый мир".

Ко второй категории, по моей классификации, относятся произведения, проникнутые внутренним религиозным пафосом. Из них, на мой взгляд, прежде всего, следует выделить "Пожар" В. Распутина (Б-ка "Огонька", 1986г.) и "Смиренное кладбище" С. Каледина ("Новый мир", №5, 1987г.). За этими двумя произведениями стоит глубокая вера и настоящая христианская культура, при полном отсутствии христианских деклараций, столь частых в самиздатских публикациях. "религиозного возрождения" 70-х гг. Каледин, пожалуй, одно из наиболее поразительных открытий в нашей литературе последних лет. Когда, как бы из не-бытия, возникает такой вполне сложившийся блестящий мастер, то, наряду, с радостью, начинаешь испытывать чувство страха: а что, если там, за идеологическим барьером, так навсегда и останутся другие, не менее значительные художники? Каледину повезло еще и в другом отношении: он нашел очень вдумчивого и квалифицированного критика в лице И.Виноградова, о послесловии которого к книге повести Каледина я еще скажу.

Конечно, наряду с новыми именами, необходимо вспомнить и "классиков". В контексте разговора о религиозных тенденциях в нашей литературе прежде всего приходят на память имена (помимо упомянутых уже мною В.Белова и В.Распутина) В.Астафьева и В.Солоухина. Общей для их творчества является религиозно-националистическая тенденция. Но и среди тех, которым тенден-

ция эта глубоко чужда, есть писатели откровенно христианской ориентации. Например: А.Битов, Ф.Искандер, О.Чухонцев. Из упомянутых авторов я хотел бы сказать прежде всего о В.Белове, в связи с публикацией в №8 "Нового мира" III ч. его "Канунов". По имеющимся у меня сведениям, первоначально, часть эта называлась "Судный день". Т.е. перед нами еще один "апокалипсис". В конце произведения даже звучат, прочитанные в избе одного из героев, отрывки из "Откровения Иоанна Богослова". Причем, контекст, в котором они произносятся, не оставляет ни малейшего сомнения в том, что под "зверем, говорящим гордо и богохульно" (Отк.ІЗ,5) подразумевается новая власть, а под светопреставлением – крах разоряемой этой властью русской деревни. Если Белов показывает, как подготавливается и совершался "страшный суд" над Россией, то в рассказе В.Солоухина "Похороны Степаниды Ивановны" ("Новый мир", №9, 1987г.) мы как бы становимся свидетелями происходящего уже после погибели, "жизни в аду". Вот одна характерная цитата: "Я давно для себя установил, что весь народ уже несколько десятилетий живет по своеобразной пайковой системе, распространяемой на все без исключения стороны жизни" (стр.І33).

Итак, вместо обещанного рая – ад, вместо десятилетиями провозглашаемого "изобилия", чудовищное ограничение всех "материальных и духовных благ", и самое страшное из них – ограничение права "хоронить своих мертвцев по родным обычаям", ввести которое едва ли решились бы даже "оккупационные власти". "По всей России закрыты десятки тысяч церквей, но миллионы пожилых людей, которые хотели бы быть похоронены с их точки зрения по-человечески, остались и доживают свой век. И фактически, миллионы ни в чем неповинных людей лишены элементарной возможности погребального обряда. Еще одна вопиющая жестокость, еще один "паек" в ряду других бесчисленных и унылых." (І36). Итак, в начале (у Белова) – "гордыня и богохульство", в конце (у Солоухина) – "уныние": богословски безупречная характеристика царства Антихриста. Ведь это он установил "оккупационный режим" на Господней земле. Остается только поражаться тому, как эти вещи вообще появились в нашей печати (солоухинская,

правда, через 20 лет после написания). Под "сатанинской оккупацией" живут и герои рассказа А.Битова "Вкус" ("Огонёк", 1987). У главного персонажа этого рассказа, Монахова, постепенно атрофируются все чувства, кроме неотвязного ощущения во рту вкуса греха и смерти. И на свете есть только одно, что может противостоять власти дьявола: "...теперь ему было ясно, что все это вокруг уцелело благодаря церкви, находясь в ее поле. Именно поле (в том научно-популярном, теперешнем смысле) ощутил вокруг церкви Монахов..." (стр.24). Позитивная религиозная концепция мироздания разработана А.Битовым в повести "Человек в пейзаже" ("Новый мир", №3, 1987г.), представляющей собой, по сути дела, беллетристизированный богословский трактат. В уста героя, горького пьяницы и неудачливого художника, вкладываются, например, такие слова: "В начале было Слово..." А, собственно, и не слово, а логос, знание... Значит образ мира существовал раньше мира, до акта творения? Образ - был Богом!.. Понимаете, с чем мы имеем дело? С художником. (...) А так, не понятно ли происхождение человека и зачем человек? Видеть творение! (...) Поэтому, надо полагать, и создал он нас по образу и подобию..." (77). Тут трудней удерживаться от аналогии с заметкой Челищева "На пути в незнаемое" в №10 того же "Нового мира" в разделе "Полемика и наука". Цитируемые им слова взяты из книги английского астрофизика П.Девиса "Случайная вселенная" (М., "Мир", 1985) и могут быть восприняты как непосредственная научная параллель битовской интуиции: "Вселенная должна быть такой, чтобы в ней на некоторой стадии эволюции мог существовать наблюдатель" (261). Поскольку ниже Челищев пишет: "Мы являемся живым зеркалом мироздания: в наших эмоциональных, психических и духовных движениях отражены качества, присущие всей материи в целом" (261). Не правда ли, здесь есть что-то общее с библейским "образом и подобием"? Когда в одном и том же издании постоянно возникают подобные параллели, начинаешь сомневаться в их случайности. Если в только что упомянутой публикации А.Битова слово "бог" еще набрано с маленькой буквы, то в публикуемом, начиная с №10 "Нового мира", его романа "Пушкинский дом" - с большой. Надо сказать, что и в других материалах, опубликованных не только в "Новом

мире", но и в еще некоторых изданиях стало допускаться (ранее, практически, полностью запрещенное) написание слова "Бог" с большой буквы. В качестве примера могу привести заключительную строфи из поэмы О. Чухонцева "Однофамилец", опубликованной в №4 к. "Дружба народов" за этот год:

А вдруг и помыслы и сны
В нас проступают, как о Боге
неопалимой купине
пятириковые окоги?..

Олег Чухонцев – один из очень редких советских поэтов, которому еще в 70-х, начале 80-х гг. удавалось публиковать открыто религиозные стихи – ныне заведует поэтическим отделом в "Новом мире". Этим, конечно, и объясняется, в первую очередь, появление религиозной поэзии на страницах этого журнала. Вот, к примеру, отрывки из стихов С. Липкина, опубликованные в №6 "Нового мира":

Не себя нынче звезды славят,
Засветясь в предпраздничный вечер, –
Это краткие ангелы ставят
Перед Божьей Матерью свечи.

или

О, если бы строки четыре
Я в завершительные дни
Так написал, чтоб в страшном мире
Молитвой сделались они.

Но религиозная тема характерна не только для "новомировской" поэзии. Потрясает, например, поэма М.Поздняева "За оврагом", повествующая об осквернении московских храмов ("Огонек", №20, 1987):

Бывший храм Покрова,
где двенадцать бушлатов на вате
круглосуточно, в три захода в поте лица
тянут проволоку и плетут из нее кровати
госпитального и армейского образца,
а за окнами алтаря – "Не рыдай Мене, Мати"! –
день и ночь идут электрички в оба конца, –
бывший храм Покрова,

на окраине, за оврагом...

(24).

Здесь поэзия уже переходит в публистику, в открытое обвинение, бросаемое в лицо осквернителям. Здесь мы уже вплотную приближаемся к третьему типу религиозных публикаций, появляющихся в современной советской печати: прямому выражению своих религиозных взглядов. Понятно, что содержащие его произведения, должны переступать не только границы установленные советской цензурой (которая, несмотря на многочисленные заверения в её отмене, благополучно продолжает существовать), но и границы художественного творчества. Если такие произведения и появляются, то это, конечно, в первую очередь, публистика, причем, как правило, созданная на материале литературы. Я могу назвать три подобные публикации: В.Непомнящий "Пророк", "Новый мир", №1, 1987; И.Виноградов – послесловие к публикации повести С.Каледина "Смиренное кладбище", "Новый мир", №5, 1987; О.Чайковская "Гринев", "Новый мир", №8, 1987. Последний из названных материалов, на мой взгляд, является переходным от второго к третьему типу. Поэтому начну с него.

Идеи, фразеология, лексика "религиозного ренессанса 70-х гг." в наши дни все более и более проникают в официальную советскую периодику. У Чайковской это проявляется, прежде всего, в оценке истории (как дореволюционной, так и советской), а также в попытке заново осмыслить и определить сложившуюся сейчас в стране общественную ситуацию: "И слово "перестройка" кажется мне слишком "сухим и механистичным для того дела, которое нам предстоит. Может быть, слово "возрождение" было бы точнее? Возрождение, ренессанс, в смысле общественного расцвета Но так же возрождение всего того, что мы растеряли..." (243). В этих словах, так же как и во всем тексте статьи, явственно различим звучащий уже более 20 лет в кругах неофициальной интеллигенции призыв не просто к общественному, а к духовному, религиозному возрождению.

Но с особой полнотой религиозные настроения последних десятилетий воплотились в статье пушкиниста Непомнящего "Пророк". Она вся пронизана (вынужденно "слепыми") библейскими и святоотеческими цитатами, вплоть до несколько видоизмененного

отрывка из "Отче наш": "правда есть: и существует, и сияет, и царит" (141). Так же, как и для Чайковской, для Непомнящего Пушкин является "трамплином" для прорыва к общечеловеческой и религиозной проблематике. Говоря о "всей истине" как об "основе ценностной позиции Пушкина", Непомнящий пишет: "Единая правда, "вся истина", есть в каждом человеке, она ни от кого не скрыта, — но она не всеми открыта для себя и в себе, ведь это требует определенного самоотречения. "Вся истина" не находится как отдельные и частные истины, в преимущественном ведении рассудка и потому не передается как информация, как чужое и готовое знание: нужно "пробуждать", "оживлять" её в сердцах людей, — там она находится в их совместном ведении, соведении, которое называется совестью" (141). Нетрудно понять, что "правда", "вся истина" в данном отрывке — эвфемизмы, и речь идет о Богопознании. Нетрудно так же, при желании, указать и те богословские источники, на которые опирается автор статьи. Вообще, статья эта представляет собой своего рода "краткий справочник" по христианскому богословию". Вот что, к примеру, пишет Непомнящий о таком кардинальном богословском понятии, как "тайна": "Пророчества имеют дело с тайнами. Секрет вешь скрытая, раскрытый секрет перестает быть таким, исчезает, а тайна всегда перед нашими глазами; она даже и "раскрыта" остается тайной — по крайней мере для рассудка" (145). Еще, на выбор, несколько цитат: "этот мир (мир Пушкина) — Е.П.), включая самого творца, подчиняется "вечным истинам", их "священноначалию" — по-гречески иерархии" (148). "Корень всех духовных пороков — гордыня, не дает ему (Вальсингаму — Е.П.) взглянуть в лицо истине"; "природа "высших истин" такова, что они суть простые истины" (151). Подобных цитат можно было бы привести десятки. Но самое, пожалуй, интересное то, что в этой статье автор описывает процесс религиозного "пробуждения" своего поколения: "Духовной жаждой томим..." Это приближалось к нам постепенно, давно, первые ощущимые, порой наивные и инфантильные проблески стали возникать лет тридцать назад, когда мы, люди пятидесятых годов,,, стали припомнить многие важные для человека вещи, в том числе извлекать из академического полуытия прекрасные старинные слова и понятия: чувства

доброе и милость к падшим, самостояние человека и веленье божие, гений и злодейство, змеи сердечной угрозы и неба со-дроганье... (...) ...раз начавшись, процесс пробуждения был неостановим. (...) Так, может быть, сегодня смутная сердечная потребность во "всей истине", в высшей правде, жгущей сердца, и впредь начинает оборачиваться духовной жаждой? (152). Вот так язык культуры приображается в язык страстной христианской проповеди. И, пожалуй, наиболее открыто и убедительно звучит она в заметке И. Виноградова, посвященной "Смиренному кладбищу" С. Каледина.

Повесть Каледина лишена всякой рассудочности, предельно предметна и аскетична по стилю. И критику надо было оказаться в каком-то смысле конгениальным автору, чтобы за этой местной манерой, за жестокостью описываемой реальности рассмотреть глубоко упрятанный стержень, на котором держится все повествование. Вот что пишет Виноградов об отношении к религии главного героя повести Лешки Воробья: "...нельзя не видеть, что именно здесь... самый центр его внутреннего мира. Тот центр, благодаря которому мир этот... не распадается все-таки окончательно в некий бесовский хаос, но собран в некоторое подобие духовного микрокосма..." (84). В "Смиренном кладбище" мир держится даже не на вере героя, а на смутном ее образе - "полувере-полуневерии", так же, как держится он на маленькой церквишке в рассказе Битова, на чудом осуществившемся погребальном обряде в гневно-публицистическом повествовании Солоухина, на звучащей из уст атеиста громовой музыки Апокалипсиса в беловских "Канунах". Подлинно, сила Господня "осуществляется в немощи". Уж, кажется, совсем Его изгнали из мира сего, уничтожили давно самую память о Нем. А Он все равно незримо живет среди нас и только Им мы живы. Именно об этом - о христоцентричности человека - и напоминает Виноградов: "именно здесь, в этом смыслообразующем ядре духовного человеческого микрокосма, и есть самый центр человека вообще, ядро его человечности" (85). (Правда, так же как и Непомнящий, Виноградов вынужден пользоваться эвфемизмами: "духовная культура", "духовное ядро" и т.п., употребляемыми даже не из тактических, а, скорее, из этикетных соображений). Главный вывод, который делает автор

послесловия, связан с функцией культуры в современной России, с её призванием быть свидетельницей об Истине, "Эта задача (придание жизни духовного смысла - Е.П.), которая встает... прежде всего перед нашей культурой. Та самая задача, масштабом которой только и может быть измерена действительная, поистине конституционная роль культуры в нашей жизни" (85). Именно апостолат культуры, её роль в качестве нашей "детоводительницы по Христу"- то, что является одним из самых потрясающих духовных открытий нашего поколения. В нашей стране начинает возрождаться великое религиозное искусство начала века. Очищенное в огне мученичества, оно может явиться могучим стимулом к восстановлению и преображению народной души. Если, конечно, на его пути не начнут вновь воздвигать искусственные барьеры. К сожалению, для этих опасений есть основания. Насколько мне известно, Виноградов выведен из состава редакции "Нового мира". Ряд материалов, религиозного характера, похоже, навсегда осел в редакционных портфелях. (К примеру, стихи о.Павла Флоренского и Елены Шварц), принятые для публикации в "Огоньке"). И все же есть надежда на то, что, может быть, очень медленно и постепенно, религия займет то место в искусстве, повседневной жизни нашего общества, которое ей по праву принадлежит.

Надежду эту внушают некоторые публикации, которые условно можно назвать "установочными", т.е. те, которые могли появиться лишь благодаря очень высокой санкции. Помимо широко известных выступлений в прессе Е.Евтушенко, Лихачева и митр. Алексия, я хотел бы отметить статьи А.Нуйкина "Новое богоис-
кательство и старые догмы" и А.Гулыги "Поиски абсолюта", появившиеся соответственно в №4 и №10 "Нового мира" за этот год. В статье Нуйкина постулируется безусловное право любого автора обращаться к религии как к средству "наиболее выразительного раскрытия вечной философской (чаще нравственной) проблематики." (254). Такое снятие многие годы тяготевшей над нашей официальной культурой запрета на использование религиозных символов и образов представляет собой безусловный прогресс. Но автор идет еще дальше. Он осуждает "воинствующий атеистический фанатизм" и призывает к конструктивному диалогу с верующими:

"Можно, конечно, и явно придется еще раз пройти тот круг исследований, проверок, сомнений и споров, который не раз уже проходило человечество в обсуждении двух вопросов: есть ли бог, и нужен ли он, если его нет?" (259).

Если статья Найдина посвящена, в основном, религиозным тенденциям в современной советской литературе, то статья одного из столпов отечественного марксизма А.Гулыги – вопросу, имеющему еще более глобальное значение: соотношение религии и морали. Причем, он сам понимает, что утверждает непростительную, с точки зрения традиционного советского атеизма, ересь: "Воспитанию морали в течении веков способствовала (тут у меня дрожит рука, когда вывожу это слово) религия. Дрожит не от неуверенности, а потому, что предвижу гнев наших "научных атеистов", готовых предать анафеме за любое доброе слово о роли религии" (246). Не правда ли, разительный контраст с классическим для нашего атеизма обвинением в "заигрывании с Боженькой". Формула эта, кстати, принадлежит Ленину, у которого, как продемонстрировали наши современные теоретики, при желании можно отыскать всё, что угодно. Гулыга, в частности, находит у него цитату, подтверждающую собственный постулат о теснейшей связи христианства с моралью: "Христианство из морали сделало бога". В общем марксисты повторяют то же, в чем обвиняли христианских теологов: из их "священного писания" оказывается, тоже можно извлечь прямо противоречие друг другу идеи. Что же касается подлинного Священного Писания, то Гулыга очень сетует на то, что советские люди лишены "возможности читать Библию", ибо это просто отнимает у них возможность воспринимать значительную часть мировой и отечественной культуры. Как на огромный пробел в собственном образовании он жалуется на то, что познакомился со "Словом о законе и благодати" митр. Иллариона лишь на шестом десятке. Мне, признаюсь, тоже стало очень обидно за одного из ведущих наших философов. Но не только потому, что он так поздно прочел одно из лучших творений древнерусской литературы, а и потому, что он приписал Иллариону авторство текста, на самом деле принадлежащего перу Апостола Павла: "Сначала родила Агарь, потом Сарра, "рабыня прежде, потом свободная" – к этой аллегории прибегает Илларион, чтобы передать мысль о раз-

витии нравственности: на смену жестким предписаниям приходит свободное волеизъявление.

Проблематика Иллариона возродится через 800 лет в трудах Лессинга, Канта, раннего Гегеля" (249). Если бы Гулыга знал, чьи, на самом деле, мысли развивали через 1800 лет перечисленные им философы, я думаю, он нашел бы еще немало "добрых слов" в адрес религии. А это ведь — один из образованнейших людей в нашей стране. Что уж говорить о массовом читателе!

И тут еще раз во всей полноте встает перед нами грандиозная задача христианского просвещения. Я думаю, что очень многие не веруют просто по невежеству, в силу господствовавшего многие годы у нас атеистического мракобесия. Если мы распахнем перед ними сокровищницу Св.Писания, церковного Предания, христианской культуры, они без всякого колебания обратятся ко Христу. И огромную роль в этом обращении может сыграть пережившая все социальные и духовные катаклизмы великая русская литература.

Железняк